

вующий вне ее, «освободить» героя (а значит, и читателя, что являлось главной целью) от мнимой власти действительности, нанести ей с помощью искусства смертельный удар.

Список литературы: 1. Герцен А. И. Соч. В 9-ти т. М., 1955—1958. 2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14-ти т. М.; Л., 1937—1952. 3. Горский И. К. К вопросу о типизации. — В кн.: Классическое наследие и современность. Л., 1981, с. 34 — 45. 4. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. 531 с. 5. Гуляев Н. А. В. И. Ленин и методологические вопросы в изучении романтизма. — В кн.: Проблемы эстетики и творчества романтиков. Калинин, 1982, с. 3—21. 6. Гуляев Н. А., Каргашова И. В. Об эволюции творческого метода Гоголя (Постановка вопроса). — Русская литература, 1974, № 2, с. 98—108. 7. Иезуитов А. Н. В. И. Ленин и вопросы реализма. Л., 1980. 303 с. 8. Купреянова Е. Н. Что такое романтизм и что такое реализм? — Русская литература, 1974, № 2, с. 103—120. 9. Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. 415 с. 10. Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. 272 с.

Статья поступила в редколлегию 07.02.83

Л. П. Подлужная, доц.,
Житомирский пединститут

Гоголевские традиции в творчестве А. И. Левитова

Исследователи уже занимались вопросом гоголевских традиций в творчестве А. И. Левитова [1, с. 251—288; 4, с. 51—66].

Цель настоящей статьи — дополнить имеющиеся сведения по данному вопросу новыми наблюдениями.

В 1855—1856 гг. в «Современнике» печатались «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, основным тезисом которых было утверждение критического гоголевского направления как единственно правильного для того времени. Первый очерк А. Левитова «Типы и сцены сельской ярмарки» (1856—1857) свидетельствует о связи его творческих устремлений с традициями Н. Гоголя, о творческом освоении принципов натуральной школы. В очерке «Петербургский случай» (1868 г.) А. Левитов коснулся многих вопросов, поставленных в работе Н. Чернышевского. Критик писал: «Гоголь важен не только как гениальный писатель, но вместе с тем и как глава школы — единственной школы, которую может гордиться русская литература...» [3, с. 43—44]. А. Левитов отмечает, что Н. Гоголь — «основатель русской литературы» [2, т. 2, с. 298]. Словами своего героя Сизова (очерк «Лирические воспоминания Ивана Сизова») А. Левитов выразил мнение о могучем влиянии А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и В. Г. Белинского. Сизов бросает семинарию, уходит в Петербург, мечтая о научной работе, в свои замыслы он посвящает любимую сестру: «Всегда только одно и буду я делать, что везде и всегда говорить о наших развалившихся избах, о горе, которое безысходно живет в них, о наших головах темных, об умах обездоленных» [2, т. 1,

с. 710]. Такое направление мыслям Сизова позволила дать А. Левитову демократическая литература.

Крестьянская тема оставалась главной в 60—70-х годах XIX в. Однако подход к ней был иной, чем в первой половине XIX в.

В дореформенную пору изображение народных «типов» было большим и серьезным достижением реализма. Но жизнь поставила перед литературой второй половины XIX в. ряд новых проблем и вызвала пересмотр старых. Задачи, вставшие перед прогрессивными писателями того времени, были связаны с борьбой вокруг крестьянского вопроса и требовали от литературы «расширения арены правды», показа не «отдельных типов», а «целой крестьянской среды», с ее хорошими и плохими сторонами.

В статье «Не начало ли перемены?» (1861) Н. Г. Чернышевский говорил о резком различии между старой дворянской литературой и новой, демократической, о том, что изображение народа в духе барского гуманизма, либерального сочувствия в 60-е годы уже недопустимо. «Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — все это насквозь пропитано запахом «шинели» Акакия Акакиевича» [3, с. 466]. Писатели натуральной школы видели тяжелое положение народа, но возможности изменения его состояния большинство из них искало не в самом народе, а в том, чтобы другие сословия изменили свое отношение к нему, увидели бы в нем людей, достойных сожаления и любви.

Такой взгляд на народ вполне соответствовал эпохе, когда силы революционной демократии были слабы, а дворянские освободительные иллюзии имели широкое влияние на передовые круги русского общества. Н. Г. Чернышевский считал, что достоинства русского народа неисчислимы. По его мнению, написанное писателями 40-х годов о народе «прекрасно и благородно, — в особенности благородно до чрезвычайности. Только какая же польза от этого — народу?» [3, с. 446].

Перед А. Левитовым, как и другими передовыми писателями, стал вопрос об исследовании, объяснении, обобщении фактов народной жизни. «Горе сел, дорог и городов» — так назвал А. Левитов один из сборников своих очерков. Он писал о развалившихся избах, страданиях матерей, не знающих, чем накормить детей. Люди наполняют «хилые, вонючие избы с орущими детьми, которых старшие, вместо хлеба, кормят тукмаками, вместо ласк, ругают чертенятами, вместо свойственных всему живому стремлений — поддерживать и воспитывать молодую жизнь, — желают ей скорой смерти» («Петербургский случай») [2, т. 2, с. 261]. Сознвая необходимость коренных преобразований в жизни народа, А. Левитов в духе статьи Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?» в ряде очерков обличал «идиотизм деревенской жизни», проявлявшийся в поступках, мыслях, чудовищных отношениях между людьми. Пьяный муж избивает до полу-смерти жену («Дворянка»), отец доводит до увечья своего ребенка («Горбун»), другой родитель жестоким избиением довел до сумасшествия малолетнюю дочь («Блажененькая»). В очерке

«Деревенские картинки» А. Левитов описывает крестьянские настроения перед открытием школы в деревне. Школа представляется деревенскому люду пришествием «антихриста». Разговоры взрослых о том, что детей, и даже девочек, будут брать в солдаты, увозить в дальние края, так поражали детское воображение, что дети стали болеть, бредить и умирать.

В статье «Не начало ли перемены?» Н. Г. Чернышевский, призывая писателей к изображению народной жизни «без всяких прикрас», предостерегал от одностороннего изображения ее. И очерки А. Левитова свидетельствуют о его стремлении показать жизнь народа всесторонне. В гоголевской традиции, идущей от «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Тараса Бульбы», седьмой главы «Мертвых душ», обрисован крестьянин Ферапонт («Моя фамилия»); бабушка Маслиха в одноименном рассказе является заступницей всех униженных и оскорбленных. С любовью рисовал А. Левитов сильных людей, недовольных, протестующих: Михайло Кочетов («Степная дорога днем»), отец Ангелюста, Петр Крутой из очерка «Степные выселки», сапожник Шкурлан. Но протестанты А. Левитова отличаются безнадежностью настроений, ожесточением или бесшабашной удалью.

Еще в 40-е годы в «Мертвых душах» Н. Гоголь повествование о помещиках сочетал с изображением Чичикова, человека буржуазного склада. А. Левитов, наблюдая пореформенную действительность, сделал вывод, что на место хамства барского пришло «хамство хамское». Хозяином деревни стал «лупила», кулак. Так, в очерке «Расправа» кулак Федот отнял у бедной крестьянки — вдовы Козлихи все имущество, выгнал ее на улицу и в присутствии всей деревни отстегал. Никто за нее не заступился. Во многих очерках А. Левитов дал уничтожающую характеристику быта представителей торгового капитала, особенно провинциального купечества, «темного царства», обрисованного еще А. Н. Островским. А. Левитов показал, как самодурство, хищничество, преступления в этой среде сочетаются с набожностью. У Липатки («Накануне Христова дня»), нажившего капитал путем разбоя и убийства, «бог» не сходит с языка. Жена его, из бедных дворян, от побоев мужа запивает, происходят ежедневные ссоры и драки. Народным проклятием заканчивает А. Левитов рассказ о Липатке.

Произведений о дворянстве у А. Левитова немного, но это сословие выписано им в гоголевской традиции, в традиции натуральной школы. Дворяне представлены бездельниками («Типы и сцены сельской ярмарки»), картежниками («Уличные картинки — ребячьи учителя»). В «Аркадском семействе» рассказана история «о печальном конце», к которому непременно приходили стройные, белокурые и голубоглазые певицы барских хоров. Наиболее полно отношение к барству выражено в очерке «Моя фамилия».

В творчестве В. Т. Нарезного («Мария»), Н. Ф. Павлова («Именины»), В. Ф. Одоевского («Катя, или история воспитанницы»), А. С. Пушкина («Станционный смотритель»), Н. В. Го-

голя («Записки сумасшедшего», «Шинель»), Ф. М. Достоевского («Бедные люди») проходит тема сочувственного изображения маленького человека. Тема эта преемственно продолжается и А. И. Левитовым. Значительная часть его произведений посвящена столичной бедноте. В столицах его интересуют прежде всего обитатели нор и трущоб — мастеровые, обездоленные студент-разночинцы, нищие. Лучших девушек деревни, с глазами «светлыми и ласковыми», с душой, «что у ангела, доброй и приветливой», город превращал в обездоленных проституток, потерявших образ человека. Этой теме посвятил А. Левитов много прочувствованных страниц («Дворянка», «Девичий грешок»). Часто в творчестве писателя встречается разночинец-плебей, которого жажда знаний, желание принести пользу людям, великие цели толкают в далекую дорогу на лишения, страдания, мучительную борьбу, которую могут вынести редкие силы. Таков Иван Сизов («Лирические воспоминания Ивана Сизова»). Он два года пребывания в Петербурге «колотился своим лбом об ту каменную стену, которая становится у нас между молодым бедняком и его жизненными целями» [2, т. 1, с. 729]. Исполнена трудностей, лишений и жизнь Теокритова («Степная дорога днем») и героя-рассказчика очерка «Насупротив!».

Творческое присутствие Н. Гоголя ощущается и в использовании А. Левитовым художественных средств.

Общезвестно мастерство выписывания Н. Гоголем интерьера. Описание интерьера у А. Левитова встречается очень редко, но делается это тщательно, интерьер предстает в деталях и является средством социальной характеристики героя. В очерке «Хорошие воспоминания» интерьер помогает воспроизвести картину нищенской жизни в семье отставного чиновника: наружная дверь, обитая истерзанным войлоком; в кухне шатающийся стол, весь исцарапанный и просаленный, орды бегающих по стенам тараканов; продавленный диван, населенный клопами. В комнате хозяйки семьи стояла кровать, комод с тремя пустыми ящиками и нагроможденные друг на друга три громадных сундука, набитые всякой дрянью вроде аптечных пузырьков, козырьков от старых фуражек, ржавых гвоздей, старых газет. Обладательница же всего этого считала, что содержимое сундуков составляет значительное достояние семьи.

Важную роль у Н. Гоголя играет художественная деталь. Деталь интерьера и портрета в «Мертвых душах» является одним из средств социально-психологической характеристики героев; в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в «Старосветских помещиках» она служит разоблачению ничтожности и пошлости персонажей. Жизнь их столь бессодержательна и бессобытийна, что пропажа кошечки для Пульхерии Ивановны — переломный момент в ее сознании, с пропажей она связывает предзнаменование смерти; толчком к ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем было желание Ивана Ивановича приобрести ружье Ивана Никифоровича, вещь, никому не нужную и к употреблению непригодную, съеденная

дыня для Ивана Ивановича — событие, которое фиксируется записью, когда и с кем она была съедена.

Немаловажную смысловую нагрузку несет деталь и у А. Левитова. Например, в очерке «Хорошие воспоминания» Иван Сизов, вспоминая свое исполненное поразительной нищеты детство, упоминает об одной детали, которая то была символом жизни семьи на грани крайней нищеты, то символом временного призрачного довольства. Это унылая герань на окне. В тех случаях, когда отцу, отставному титулярному советнику, удавалось выклянчить денег у «благодетелей», раздобыть еды, а для топлива стружек, от самоварного пара оттаивали стекла, луч света падал на герань и она становилась непривычно свежей. Но семейная радость была непродолжительной, солнечный луч скрывался, герань увядала, в семье начиналась ругань.

В целях выразительности речи Н. Гоголь часто пользуется метонимией, позволяющей показать вещи «крупным планом». При этом в центре изображения оказывается деталь, которая в данный момент наиболее значительна. Метонимия придает речи и определенную эмоциональную тональность. Так, в описании Невского проспекта («Невский проспект») нет лиц, а есть шляпки, перстни, бакенбарды, ножки, усы, носы, сюртуки. Эти детали заменяют описание людей, свидетельствующее об отсутствии индивидуальности, характеров движущейся толпы.

Метонимию встречаем мы у А. Левитова. Например, в очерке «Моя фамилия» рассказчик вспоминает, как отец его был отпущен от должности приказчика. Однажды в их избу вошел барин с мужиком Архипом и тот указал на приказчика: «Вот он!» — сказал новый бараний тулуп. — признак возникающего нового дворового могущества, — в который был облачен в это утро Архип» [2, т. 1, с. 586]. Метонимия здесь указывает на самое существенное в Архипе: что он доносами вошел в доверие к барину и был пожалован новым бараньим тулупом. Метонимия сообщает эпизоду и эмоциональную окраску — выражает насмешливо-неприязненное отношение рассказчика к Архипу.

Глубоко родствен А. Левитову и гоголевский лиризм. Часто встречается у него образ степной дороги (один из циклов так и называется — «Горе сел, дорог и городов»), символизирующей родину. Дорога у него «спит», «оживляется», «предается думающему молчанию». В очерке «Степная дорога ночью» большое место занимают лирические монологи, произносимые автором в честь «матери-степи».

Но лиризм А. Левитова резко отличается от гоголевского. У А. Левитова преобладает скорбный, печальный лиризм; его лирические излияния полны драматизма от сознания неустроенности жизни. Вот пример характерного для А. Левитова лирического отступления: «Эх ты, проезжая степная дорога, широкая, вдоль и поперек потом и кровью залитая! Когда это так же часто будет ходить по тебе светлая радость людская, как часто ходит теперь по тебе людское темное горе?» [2, т. 1, с. 493].

Творчество А. Левитова отвечало требованиям демократической эстетики 60—70-х годов XIX в.; он был оригинальным писателем со своей четко определенной художественной манерой, особенностью которой было преобладание изобразительного элемента над описательным, раскованность композиции. Лучшим лириком в прозе назвал его М. Горький.

Новаторство всегда опирается на традиции, развивает их и одновременно формирует новые.

Анализ дает основание утверждать, что А. Левитов наследовал гоголевские традиции в проблематике, идейной направленности своих произведений, творчески воспринимал и использовал приемы гоголевского письма.

Список литературы: 1. *Воробьева З. А.* Творчество А. И. Левитова. — В кн.: Проза писателей-демократов шестидесятых годов XIX века. М., 1962. 37 с. 2. *Левитов А. И.* Соч. В 2-х т. М.; Л., 1932—1933. 3. *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. Не начало ли перемены? — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные литературно-критические статьи. Л., 1950. 202 с. 4. *Шахов В. В.* Гоголевские темы и образы в художественных и публицистических жанрах демократов-шестидесятников (А. И. Левитов, М. А. Воронов). — В кн.: Проблемы жанрового многообразия русской литературы XIX века. Рязань, 1976, с. 15—31.

Статья поступила в редколлегию 04.02.83.

Н. А. Варченко, преп.,
Николаевский пединститут

К истории создания воспоминаний В. Фигнер «Запечатленный труд»

В истории русской литературы В. Фигнер занимает определенное место в ряду поэтов-народников — таких, как Ф. Волховский, Н. Морозов, Г. Лопатин, С. Синегуб. Стихотворное наследие революционерки невелико по объему и скромно по своим поэтическим достоинствам. Однако «стихи народнических поэтов часто сильны не словом, а тем, что стоит за словом», — замечает Ю. Лебедев, справедливо усматривая главное достоинство революционной народнической поэзии в глубокой искренности ее авторов, в постоянно ощущаемой читателем тождественности творчества подлинным переживаниям авторского «я» [6, т. 3, с. 609].

Литературное наследие В. Фигнер не исчерпывается сборником стихотворений, впервые изданным в 1906 г. Вышедшее в 1932 г. семитомное собрание ее сочинений включает, помимо стихотворений, биографические очерки, известные воспоминания «Запечатленный труд» и мемуарные очерки «После Шлиссельбурга», публицистические статьи, речи, письма. Наиболее интересна и в художественном отношении значительна мемуарная проза В. Фигнер. Ее воспоминания «Запечатленный труд» и связанные с ними единством темы и настроения очерки «После Шлиссельбурга» признаны читателями и критикой «выдающимся явлением мемуарной литературы» [7, с. 242].